

DOI: 10.17976/jpps/2016.01.07

СЛОЕННЫЙ ПИРОГ ПОЛИТИКИ: РЕЦЕПТЫ И ИМПРОВИЗАЦИИ

М.В. Ильин

ИЛЬИН Михаил Васильевич, доктор политических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Для связи с автором: ilyin@politstudies.ru, mikhaililyin48@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 10.11.2015. Принята к печати: 30.11.2015

В данной статье использованы результаты, полученные в ходе реализации проектов, выполненных в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011-2015 годах, а также проектов РГНФ № 13-03-00310 и РФФИ № 13-06-00789

Аннотация. Статья продолжает критическое развитие подходов и принципов исследования “слоеного пирога политики”, заявленных в предыдущей, опубликованной почти полтора года назад (*Полис. Политические исследования*. 2014. № 3. С. 111-137). В частности, в ней продолжается критическая переоценка двух способов существования – темпорального *online* и внетемпорального *offline*. Рассматривается роль человеческой субъектности в интерфейсе этих способов существования, которые можно связать с кодами (рецептами) и результатами их использования (импровизациями). Уточняются процедуры и критерии очищения и насыщения. Каждая из трех основных когнитивных схем – вещь, организм, экосистема (формы жизни) – позволяет выделить различные аспекты действительности. Анализируется предрасположенность каждой из когнитивных схем различным аспектам политики, а также способы соединения и дополнения их эвристических возможностей. Далее в статье рассматриваются последовательность и направленность различных аспектов осуществления реформ. Оцениваются риски и перспективы различных стратегий реформирования, соединения рецептов и импровизаций. Подчеркивается естественная предпочтительность трансформации институтов путем насыщения их новыми практиками. Именно такой ход – насыщение демократическими практиками традиционных и далеко не демократических институтов – характерен для успешных примеров демократизации.

Ключевые слова: институты; процессы; яз (*langue*); речь (*parole*); *online*; *offline*; субъектность; дополнительность; насыщенные и очищенные институты; насыщение и очищение институтов; формальные и неформальные институты; институты различного масштаба; порядки; режимы; практики; реформы.

Опубликованная почти полтора года назад первая часть данной статьи обещала критически развить заявленные в ней подходы и принципы. Текст завершался попыткой поставить под сомнение исходную, выраженную в заголовке метафору слоеного пирога, предложить альтернативные когнитивные схемы для различных масштабов и аспектов политических порядков, режимов и практик. Предполагалось пройти еще дальше “путем переналадки наших исследовательских инструментов” и сделать подобную переналадку “предметом следующей статьи” [Ильин 2014: 133].

Столь сложная задача вкупе с самокритичной переоценкой исходных посылок потребовала серьезной внутренней работы, переосмысления заявленных в первой части статьи подходов и принципов. Отчасти эта работа нашла выражение в выступлениях на конференциях и семинарах, в дискуссиях с коллегами, в исследовательской деятельности и в публикациях.

Существенные уточнения и принципиальные новации коснулись, например, процедур и практик насыщения и очищения не только институтов, но также самых разных мыслительных и деятельностных образований, включая методы познания вплоть до трансдисциплинарных органов.

Проделанная за полтора года работа существенно трансформировала первоначальный замысел, заставила уточнить или даже пересмотреть ключевые идеи первой части статьи. В их числе два способа или модуса существования (*online* темпорального и *offline* вневременного), интерфейс этих способов существования за счет человеческой субъектности (*agency*), наконец, соединение времен, пространств и их масштабов. Каждая из этих четырех идей получит в настоящем тексте критическую оценку. Будут сформулированы открытые вопросы для дальнейших исследований.

В завершающей части исходной статьи намечена возможность использовать наряду с метафорой слоеного пирога также иные аналитические инструменты, восходящие к вещам (пирог — разновидность вещи), организмам и экосистемам. Предполагалось, что в нынешней части статьи “эти и другие когнитивные схемы будут использованы для рассмотрения агентивной, субъектной стороны слоеного пирога воспроизводства, изменения и заимствования институтов, осуществления политических инноваций” [там же: 112]. При этом разные аспекты, слои и измерения институциональности улавливаются своими метафорами и познаются с помощью скрытых в них когнитивных схем. Казавшееся, однако, всего лишь добавочным использование иных метафор и когнитивных схем в ходе дальнейших изысканий обернулось превращением *дополнения* (*addition, supplement*) в *дополнительность* (*complementarity*) или зеркальную альтернативность. Соотношение различных исследовательских оптик и эффекты их дополнительной станут предметом отдельного раздела статьи.

Дополнительность исследовательских оптик позволяет уяснить, что порядки, режимы и практики не просто пусть и связанные друг с другом, но “отдельные вещи” или “*things apart*” [Tilly 1984], альтернативные моменты единой человеческой действительности. Они связаны примерно так же, как общие правила (рецепты) могут задавать рамки для процедур и алгоритмов, которые на фоне незыблемых законов могут показаться импровизациями. Отсюда и расширение заголовка настоящей статьи, связывающее кулинарную метафору с новой проблематикой.

И завершат статью некоторые дискуссионные соображения об альтернативных способах осуществления политических реформ.

ОСПАРИВАЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Рассмотрим четыре основные идеи первой части статьи, которые заслуживают оспаривания.

Два способа или модуса существования

Привычное для российских политологов разграничение и соединение институтов и процессов было дополнено более основательной и фундаментальной связью двух способов существования — *online* темпорального и *offline* вневременного. Первый имманентен нашему опыту существования или, можно сказать, эндогенен, второй — трансцендентен и экзогенен человеческому существованию.

Соответственно предлагалось различать *offline* институты-правила и *online* институты-осуществления, которые связывались с сосюрееанскими понятиями яза (*langue*) и речи (*parole*). Получалось, что правила или рецепты существуют

сами по себе, а их осуществление или кулинарные импровизации отдельно от них. Однако мы прекрасно знаем, что между ними существует глубокая и неразрывная связь. Можно ли трактовать эту связь и как дополнительность? Или тут налицо другого рода соотношение. Нельзя ли рассматривать коды, рецепты и результаты их использования, импровизации как своего рода особые измерения, аналогичные измерениям пространства – времени? Вопрос слишком серьезный, чтобы отмахнуться, однако прямые аналогии не очевидны и вызывают серьезные сомнения.

Интерфейс способов существования

Ответ на намеченные выше вопросы, казалось бы, облегчается тем, что нам хорошо известно, за счет чего осуществляется интерфейс *online* темпорального и *offline* вневременного способов существования. Каждый скажет, что рецепты и импровизации связывает повар. Разрыв между двумя способами существования – во времени и вне времени – преодолевают творческие усилия людей, их субъектность или действенность (*agency*). Она позволяет кодировать, переводить *offline* нормы в *online* процессы, а также декодировать процессы и обновлять нормы или даже создавать новые.

Как может происходить обновление институтов, а главное – когда их можно считать созданными, “заново” станет предметом рассмотрения в завершающем разделе статьи, посвященном реформам. Пока же замечу, что существует иной способ осмысления роли субъектности. Это морфогенетический подход Маргарет Арчер [Archer 1988; Archer 1995; Archer 2000], впервые представленный этим выдающимся социологом в конце прошлого столетия, но в последние годы получивший новое развитие [Late Modernity... 2014; Donati, Archer 2014; Generative Mechanisms... 2015]. Кстати, с последними работами Арчер и ее сотрудников мне довелось познакомиться уже после написания первой части статьи.

Социальная морфогенетика исходит из неизменного дуализма структуры и субъектности. Предполагается, что они никогда не подвергаются слиянию или конфляции, а сохраняют свою самостоятельность. Их взаимодействие определяют три базовых момента. Первый заключается в том, что структура задает условия для действий и для проявления человеческой субъектности или действенности. Второй включает непосредственное и деятельное осуществление субъектности. Третий фиксирует возникновение или видоизменение структуры. Тем самым соотношение между структурой и действенностью постоянно меняется, однако при этом они остаются по сю сторону темпоральности. Их взаимодействия постоянно разворачиваются *online*. Нет никакой трансценденции в вечность или хотя бы за пределы ощущаемого времени (*offline*).

Но мы-то знаем, что раз возникнув, институты гостеприимства стали извечными и породили сотни, а то и тысячи производных институтов. Когда мы говорим по-русски, то воспринимаем свой язык (не речь) как извечную данность. Так же трансцендентно существуют для нас христианство, теория относительности и даже правовой порядок [Россов 1957].

Каким же образом наша живая человеческая субъектность оказывается сопричастна трансцендентальной вечности? Связана ли она с шелеровской “эксцентричностью” человека, его способностью мысленно выходить за свои пределы, а значит и за пределы своего времени? Шелер утверждает, что становящийся человек вместо свойственного животным приспособления к окружающему миру избрал *противоположный* путь приспособления мира к себе. Став *эксцентричным* миру (*weltexzentrisch*), человек открыл “две возможности поведения”. Первая за-

ключалась в том, что “он мог удивиться (*θαυμάζειν*) этому и привести в движение свой познающий *дух*”. С этим актом удивления начинают множиться представления. Но далее человек использует еще одну возможность. Он собирает все эти порожденные им представления, чтобы “при помощи колоссального *избытка фантазии* ... населять эту сферу бытия любыми образами, чтобы спастись *под их властью* посредством культа и ритуала, чтобы иметь ‘за собой’ (*hinter sich*) какую-то защиту и помощь” [Шелер 1994: 189]. Иными словами, он выходит за пределы себя и своего ограниченного опыта, трансцендентально — вспомним Канта — создавая всю нашу общую человеческую действительность¹ не только с религией и метафизикой, как подчеркивает Шелер, но и со всей словесностью, культурой, политикой, экономикой и т.п. (подробнее см. [Ильин 2016а; 2016б]).

Является ли человеческая субъектность (*human agency*) единственным и универсальным транслятором времени в вечность и вечности во время? И не создает ли сама эта субъектность разделение на время и вечность?

Очищение и насыщение

В развитие концепции насыщенного (*thick*) и очищенного (*thin*) описания [Geertz 1973], а также неоинституционального различения насыщенных и очищенных институтов [Lane, Ersson 2000] в статье предлагалось придать соответствующим интеллектуальным процедурам общеметодологическую значимость. Были представлены аналитические параметры очищенности “простых” институтов или насыщенности “сложных”, их формального и неформального статусов, а также связанные с насыщением и чересполосицей формализованности и неформальности эффекты слоистости.

Дальнейшие исследования, однако, показали, что очищение и насыщение могут идти одновременно в различных аспектах — зачастую взаимосвязанных, как показано в нашем докладе на международном научном форуме “Гуманитарные чтения РГГУ — 2014”². Например, методологическое очищение вполне сочетается с предметным насыщением и наоборот [Авдонин 2015]. Простота и сложность, многосоставность институтов, их формальность или неформальность также далеко не однозначно связаны с насыщением и очищением [Ильин 2014; Ильин 2015]. В связи с этим возникают закономерные вопросы. Существуют ли универсальные критерии и процедуры очищения и насыщения? Если да, то каковы они? Если нет, то как может быть представлено варьирование соответствующих критериев и процедур?

Соединение времен, пространств и их масштабов

В статье также рассматривалась последовательность институциональных масштабов — эволюционных порядков, исторических режимов и повседневных порядков, которые наслаиваются один на другой. В самом общем виде (без учета их более подробного варьирования и всякого рода отклонений) были рассмотрены различающиеся масштабами типы институтов — эволюционные порядки, исторические

¹ О различении физико-органических аспектов нашего существования или реальности и информационно-деятельностных аспектов или *действительности* см. [Ильин 2009].

² Ильин М.В., Авдонин В.С., Кокарев К.П., Фомин И.В. Трансдисциплинарные органы-интеграторы социально-гуманитарных исследований: очищение и насыщение общенаучных методологий дисциплинарной предметностью. Доступ: <http://www.gumchтения.rggu.ru/section.html?id=10974>; <http://www.rusarchives.ru/evants/conferences/humanities-reading-rggu-2014.pdf> (проверено 01.12.2015) (исправленный текст стенограммы см. [Трансдисциплинарные органы... 2015]).

режимы и повседневные практики. Названия этих типов весьма условны. Порядки можно считать устойчивыми формами правления или традициями политической организации. Режимы можно связать со стилями властвования в менее длительных, но достаточно продолжительных диапазонах, а практики — с вполне конкретными моментами политических импровизаций или, напротив, рутинных действий.

Вписывание одного масштаба в другой является, наряду с насыщением, важнейшей причиной образования слоеного пирога политики. При этом градации масштаба не только создают возможности или ограничения политической организации, но и постоянно проблематизируются и преодолеваются. При всей их значимости они остаются аналитическими, а значит условными (конвенциональными) и по сути частичными или даже эфемерными. С учетом фактурной плотности всей полноты протекающих процессов аналитически выделяемые порядки, режимы и практики фактически переплетаются и сливаются. Происходит их соединение или, пользуясь специальными терминами, сплавление, конфляция (*conflation*) или, напротив, вытеснение различий, элизия (*elision*)³. Соответственно конфляция и элизии заслуживают особого рассмотрения и даже изучения как отдельные предметы исследования.

Проблематизация и уточнение всех четырех базовых идей первой статьи отнюдь не отвергает, но на свой лад подтверждает их. Однако подобная неоднозначность настоятельно требует учета альтернативных возможностей рассмотрения политических явлений и их систематического анализа.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОПТИКИ

92

В первой части статьи предлагалось осмыслять оспариваемые положения не только в русле кулинарной образности, но при помощи целого ряда альтернативных когнитивных схем (метафор), адекватных для разных по масштабности и насыщенности институтов и других рассматриваемых явлений. Конечно, кулинарная метафора сохраняла и сохраняет немалые эвристические возможности. Но куда более подходящими для решения отдельных познавательных задач представляются иные метафорические схемы.

Альтернативные способы концептуализации с помощью когнитивных схем вещей и механизмов, организмов и видов, форм жизни и экосистем связаны, вероятно, принципом дополнительности. В соответствии с этим фундаментальным научным принципом, который был сформулирован Нильсом Бором на материале квантовой механики, адекватное представление элементарных частиц предполагает одновременное применение двух взаимоисключающих аналитических инструментов — энергетического и импульсного, которые тем самым находятся в отношении дополнительности. Каждый угол зрения — а к энергетическому и импульсному можно добавить пространственный и временной — заведомо односторонен, но в то же время неотделим от своей пары. Более того, две пары естественным образом складываются в тетраду, подобие логического квадрата. Возникают дополнитель-

³Термин *конфляция* буквально означает “сплавление” (от лат. *conflatio* — первоначально “разжигание”, затем “отливание металла” и, наконец, в поздней латыни “сплавление”), а *элизия* — “выталкивание” (от лат. *elisiō* “выдавливание”, образованного с помощью приставки *ē*, краткая форма с элизией от *ex* (“из”), и глагола *laedō* — “бью, колочу”). Оба термина широко используются в лингвистике, текстологии, поэтике и ряде других научных дисциплин. Так, они нередко применяются в концептологических исследованиях [Condren 1994] (подробнее см. [Ильин 1997]). Равным образом М. Арчер в своей концепции социального морфогенеза [Archer 1988; Archer 1995; Archer 2000] (подробнее см. [Кучинов 2014]) настаивает на четком сохранении различения структуры (*structure*) и субъектности (*agency*). Она отвергает их конфляцию в форме, например, гиденсовской *структуриации* (*structuration*), а также сходных исследовательских установок и практик.

ности второго порядка, прежде всего между пространственно-импульсным или энергетически-временным комплексами, хотя и прочие комбинации могут быть эвристичны для рассмотрения конгениальных им исследовательских вопросов.

Точно таким же образом метафоры, когнитивные схемы и в конечном счете исследовательские оптики, восходящие к вещам, включая и слоеный пирог, организмам и экосистемам, не просто отличны друг от друга, но восполняют изъяны друг друга. Одна оптика заполняет “прорехи”, возникающие в силу односторонности другой.

Принцип дополнительности Бора и его предвосхищение в кантовской антиномичности — утверждения одновременной истинности двух противоположных по смыслу максим — предполагают попарное соединение явлений. А ведь у нас целая россыпь когнитивных схем — порой очень близких друг другу, а порой крайне непохожих. Как тут быть? Можно прибегнуть к следующему решению: сгруппировать когнитивные схемы, а затем установить отношения дополнительности между их классами или типами. Разумеется, при этом понадобится использовать контраст принципов (максим по Канту), лежащих в основе соответствующих типов.

Нетрудно заметить, что рассматриваемые когнитивные формы распадаются на две большие группы. Одни метаформы фокусируют внимание на объектах косной материи, а другие — на явлениях жизни. Однако тут контраст не только и не столько живого и неживого, сколько наличия или отсутствия темпорального измерения. Некоторые когнитивные схемы “не видят” ни времени, ни изменений политики (вещь, механизм). Другие, напротив, их высвечивают (организм, форма жизни). Первый подход безжизнен и внечеловечен, можно сказать — трансцендентален. Другой — живой и человеческий, прагматический. Один — внетемпоральный, *offline*, принадлежит внешнему как будто бы нечеловеческому “объективному” разуму. Другой — темпоральный, *online*, направлен сам на себя изнутри.

Таким образом в отношении дополнительности находятся темпоральные и вневременные когнитивные модели, что позволяет соотносить вневременные аспекты политической организации *offline* с ее темпоральными аспектами *online*. При этом данное противопоставление отнюдь не эквивалентно разграничению, например, теории и эмпирики, как это может показаться на первый взгляд. Теория вполне допускает не только внешнее описание и интерпретацию времени, но в изощренных своих проявлениях задает сама себе темпоральное модифицирование. Точно так же известны многочисленные эмпирические исследования, где объективизм ведет к исключению субъектности как таковой.

Внутри пространства темпоральных когнитивных моделей проявлена дополнительность организмов и экосистем. В данном случае дополнительность формируют две перспективы. Одна атомизирует темпоральное пространство жизни, фокусируя внимание на отдельных существах, а другая, напротив, акцентирует его комплексность и целостность за счет выявления эффектов связей и взаимовлияний.

Когнитивные схемы организма и экосистемы не просто дают еще два равноположенных ракурса зрения, но взаимно включают и отвергают друг друга. А можно ли представить аспекты и измерения институциональности как и то, и другое, и третье? И как вещь, и как организм, и как сообщество, экосистему? Только при условии, что постоянно будет осуществляться перефокусировка. В первой статье предполагалось, что подобная перефокусировка есть испытание действительности слой за слоем с помощью метафоры слоеного пирога. Последующая проверка данной возможности показала, что перефокусировка

сопряжена с выходом за пределы метафорической оптики слоеного пирога и требует использования метафор организма и экосистемы. Рассмотрим же эти базовые метафоры – вещь, организм и экосистему – подробнее.

ВЕЩИ

Метафора вещи (*thing*), включая разные специфические предметы, например, слоеные пироги, представляет их как некие материальные объекты со своей структурой и функциональностью. Эти объекты выделяются в своей среде. Данная когнитивная схема проста, удобна и очень широко используется, в том числе в политике и политической науке. Достаточно вспомнить римскую республику – общее дело, общую вещь, *res publica*.

При всех ее достоинствах и распространенности использование когнитивной схемы вещи, особенно в версии отдельной вещи (*thing apart*) ведет, как показал Чарльз Тилли в своей классической книге “Большие структуры, длительные процессы, масштабные сравнения” [Tilly 1985], к существенным искажениям нашего восприятия социальной действительности.

Версии когнитивной схемы довольно многочисленны. Они включают вещь как элементарный предмет, своего рода атом. Так, Арнольд Уолферс предложил в рамках международных исследований модель государств как своего рода бильярдных шаров [Wolfers 1951]. Используются метафоры тела, в частности политического тела (*body politic, corps politique etc.*), а также механизма. При всем своем разнообразии все версии когнитивной схемы так или иначе подчеркивают, что политическая сфера образована объектами, которые сходны с физическими телами. Эти объекты даны сразу и во всей своей целостности. Они поддаются измерению, взвешиванию. А главное, всегда равны самим себе. Их можно понять и проанализировать путем соединения с помощью структур и функций, или, напротив, выделения составных частей, т.е. опять-таки структур и функций. Чем не алгебра? Только математика обеспечивает решение исследовательских задач. Ничего сверх того не требуется.

Пирог – это лишь одна из возможных вещей, загадочным образом сотворенная извне, кем-то. Верно, с помощью “кулинарной” метафоры внимание сосредотачивается на многослойности, разнородности и, в конечном счете, на многомерности политики. Что создает слоистость пирога? Это, конечно, рецепт, т.е. правила или институты. Это также сам процесс выпечки пирога, т.е. процессы формирования или институционализации политических явлений. А еще и ингредиенты нужно добавить. Однако в данном случае исчезает творческая субъектность людей и создаваемых ими организаций, институций. Верно, предполагается, что существует повар, но откуда он берется, что это за фигура? Она явно вынесена вовне, как *deus ex machina*. От пирога оказывается отчужден не только исследователь. Это не самое худшее – он обретает ценностную свободу. Все участники политических процессов лишаются субъектности и превращаются в простые объекты, ингредиенты пирога.

Физические объекты создают свое собственное пространство и равны ему в каждый отдельный момент, кайрос своего существования. Что же касается времени, то это в лучшем случае квазитемпоральная последовательность прежде и потом различных пространственных диспозиций косных тел. Собственно и времени нет, а есть череда мгновений–диспозиций. Возвращения в те же диспозиции создают квазитемпоральные колебания и циклы. Для вещей время почти нейтрально. Оно в лучшем случае отражает последовательность состояний.

Из мира вещей и косных тел еще не удастся разглядеть ни организмы, ни тем более экологические сообщества. Точнее было бы сказать, что и те, и другие предстают как некие варианты косных тел или в лучшем случае механизмов.

ОРГАНИЗМЫ

Когнитивная схема предполагает, что политику образуют не просто материальные единицы, а живые существа, организмы. У них есть потребности и воля. Логика их существования вытекает из метаболизма и генетической программы. Эти смертные, эквифинальные существа одержимы стремлением осуществить свое предназначение, а отнюдь не только ту или иную функцию. Эти “единицы” уже не равны сами себе. Сначала они не совсем еще определились, они только зародыши, детеныши. Затем они как будто являют свой протогип. Но это длится недолго. И продолжают существовать они уже как уходящая, старящаяся натура.

Пространство-время организмов создается их эквифинальными программами рождения и смерти. Они вписываются в окружающую среду, обмениваются с нею веществом и энергией. Их жизненный процесс создает темпоральную асимметрию, линейный вектор которой имеет направленность, начало и конец. Организмы живут по законам эквифинальности. Они смертны.

В современной науке весьма распространено установление аналогий между организмами и социальными системами. В одной из наиболее обстоятельных и фундированных работ о сходствах между организмом и обществом [Hallpike 1986] они связываются в основном с общими системными или в лучшем случае кибернетическими свойствами и тех, и других. Пожалуй, наиболее убедительно выделение таких общих и для организмов и для обществ характеристик, как автопойэзис, или ‘самотворение’ [Maturana, Varela 1980; Луман 1991; Матурана 1996; Матурана, Варела 2001]. Часто в качестве другого крайне важного свойства рассматривается эквифинальность, или способность достигать искомого состояния независимо от помех [Bertalanffy 1968]. Однако это далеко не бесспорно. Хотя я сам признавал, что “архетипами эквифинальных и автопойэтических систем являются живые организмы, обладающие программой самоосуществления (генотипом) и целесообразным поведением” [Ильин 2009: 186], тут налицо скорее нестрогие аналогии, чем фактическое подобие. Наблюдаемые нами возникновение, развитие и гибель человеческих обществ отнюдь не программируются способами, равнозначными генетическим программам организмов. Скорее даже они не программируются вообще, а становятся результатом куда более сложных межсубъектных взаимодействий.

Однако более убедительно архетипические структуры самоорганизации выявляются на уровне не сложно организованных, а простейших, одноклеточных организмов [Miller 1978].

Мне приходилось уже отмечать: “Функциональная модель Миллера могла бы с успехом применяться для описания политий, если бы не механическое перенесение 19 субсистем на 7 уровней организации ‘живущих систем’, что позволяет обеспечить редукцию культурной или политической сложности к базовым отношениям и функциям, возникающим уже на уровне клетки. Тем самым Миллер смотрит на организацию жизни с точки зрения базово необходимого минимума, вынося за скобки все те качественные новации, которые приносит восхождение по уровням организации. Это тем более справедливо по отношению к хронополитическим уровням сложности политических систем” [Ильин 1995: 74].

Из мира организмов, организмическими глазами уже сложно различать косные тела, но еще не удастся разглядеть экологические сообщества.

Все это позволило мне сделать вывод: “В конечном счете, тщательный критический анализ даже наиболее удачных примеров использования метафоры ‘организм = общество’ от Томаса Гоббса до Джеймса Миллера подтверждает, что эта метафора обманчива” [Ильин 2009:187]. Точнее было бы сказать, что ее эвристичность имеет свои границы, за которыми мы можем оказаться в плену ложных аналогий. Именно поэтому есть все основания полагать, что “куда более подходящей биологической аналогией для человеческого сообщества является природное ‘сообщество’ в виде экосистем или биогеоценозов” [там же].

ФОРМЫ ЖИЗНИ

Когнитивная схема предполагает многомерность связей между “единицами” разного уровня сложности. Подобные “единицы” принципиально различны. Если продолжить экологическую аналогию, то это косные предметы и организмы, которые включены друг в друга. Это виды, т.е. очень длительные, массовые и связанные преемственностью совокупности организмов. Это формы жизни, то есть виды, фенотипически вписанные среду – и живую, и косную. Это, наконец, отдельные биогеоценозы⁴, образующие своего рода подобия экосистем⁵. Смысл их существования не редуцируем ни к функциям, ни к предназначениям, а проявляется лишь во всеобщности связей, принципиально открытой неоднозначным трактовкам фактически или мысленно погруженных в них наблюдателей и интерпретаторов.

Важной новацией в рамках морфологии растений стало выделение Эугениусом Вармингом жизненной формы (*livsform*) растений или биоморфы. Выдающийся датский ботаник перефокусировал свое исследовательское внимание с отдельного вида или растения на их сообщества. Его классический труд так и называется – “Сообщества растений” [Warming 1895]. В результате ему удалось выделить совершенно новое явление, которое существовало всегда, но до Варминга оставалось “невидимым”, представляющим собой форму включения растения в среду. Его ученик Вильгельм Людвиг Иогансен еще тщательнее использовал ракурс анализа, что позволило ему различить генотип и фенотип [Johannsen 1905]. Впрочем, и само понятие формы жизни было подхвачено политологом Рудольфом Челленом, который рассматривал государства как формы жизни, обусловленные взаимодействием со своими средами – природной, хозяйственной, международной и т.п. [Kjellen 1917; Челлен 2008].

ЧТО ЗА РЕЦЕПТЫ? ПРОЦЕДУРЫ ЧЕГО? АЛГОРИТМЫ ЧЬИХ ДЕЙСТВИЙ?

Рецепты, процедуры и алгоритмы – явления одной природы. Так или иначе это все правила, акцентирующие способы их осуществления в череде действий. Однако налицо и различия. Это правила различных типов, разновидностей и, главное, масштабов относительно друг друга. Алгоритм – самый

⁴ Биогеоценоз обычно определяется как “эволюционно сложившаяся, пространственно ограниченная, длительно самоподдерживающаяся однородная природная система, в которой функционально взаимосвязаны живые организмы и окружающая их абиотическая среда, характеризующаяся самостоятельным обменом веществ и особым типом использования потока энергии, приходящей от Солнца” [Реймерс 1988: 38].

⁵ “Экосистема... единый природный или природно-антропогенный комплекс (функциональное целое), образованный живыми организмами и средой их обитания, в котором живые и косные экологические компоненты соединены между собой причинно-следственными связями, обменом веществ-2 и распределением потоков энергии” [Реймерс 1988: 305].

простой способ задать порядок действий. Процедуры могут включать набор алгоритмов, их сочетание и последовательность. Наконец, рецепты соединяют различные процедуры и алгоритмы. Рассмотрим каждый из выделенных типов правил организации и развертывания действий.

Самым простым, как уже отмечалось, является алгоритм. С него пристало и начать. Это относительно простые правила для поведенческих практик отдельных людей или даже для элементарных проявлений их деятельности. В подавляющем большинстве случаев алгоритмы поведения людей или, точнее, исполнения ими ролей сводятся к транзитивным последовательностям элементарных побуждений к единичным действиям в логике жесткой причинно-следственной детерминации. На практике алгоритмы оказываются простейшими навыками, порождающими жестко обусловленные внутри себя линейные последовательности действий. Нередко алгоритмы являются автоматическими, безотчетными привычками.

Процедуры сложнее. Они предполагают последовательное и параллельное сочетание алгоритмов. Это позволяет задавать “ветвление” линейных последовательностей действий. Для процедур вполне допустимо нарушение транзитивности и, как следствие, свертывание отдельных последовательностей действий в кольцевые структуры. То, что может показаться порочным кругом, обычно становится циклическим проявлением заданных процедурами ритма человеческого поведения. Даже относительно сложные процедуры предполагают высокую степень внутренней детерминированности и автоматизма своего осуществления. Однако безотчетность действий меньше в сравнении с алгоритмами, а их произвольность больше. Процедуры могут уже предполагать выбор альтернативы и вполне сознательные расчеты, что требует от людей специальных усилий, зачастую немалых.

Наиболее масштабные комплексы правил можно рискнуть назвать рецептами. Они связаны, как правило, с созданием обширных политических порядков и систем, конгениальных крупным формам. Рецепты – это фактически много-составные комплексные программы, в которые включены тысячи, а возможно и сотни тысяч алгоритмов разного рода, а также десятки и даже сотни процедур.

Внимательный и критически настроенный читатель может вполне справедливо заметить, что рецепты (изготовления), процедуры (выпечки) и алгоритмы (действий повара) высвечиваются вещной оптикой слоеного пирога. И он вполне резонно задаст вопрос, как же выглядят те же сочетания правил действия в иной оптике, например, организмической и экологической. Для организма, вероятно, аналогом рецепта могла бы быть генетическая программа, процедур – отдельных процессов ее реализации, а алгоритмов – элементарных метаболических связей. Сложнее ответить на вопрос об оптике форм жизни или экосистем. Многообразие и многовекторность их существования исключают наличие какой-то одной интегральной программы, а скорее предполагают сочетание и конкуренцию множества программ. Вероятно, принципы взаимодействия и уравнивания конфликтных программ играют важную роль в обеспечении целостности экосистем, но при этом они отменяют действия данных программ. Аналогом процедур можно рассматривать конкретные петли обратных связей, которые работают на поддержание баланса. Алгоритмы же можно уподобить моментам взаимодействия различных составных частей экосистем.

Как нетрудно заметить, с перемещением в живую темпоральность центр видения, или “естественно выгодная точка зрения” (*un point naturellement avantageux*) погружается внутрь самого явления, в нашем случае политики. Тем самым обретается понимание сложности и неоднозначности процессов,

в которые мы все включены. Однако это одновременно отягощает наш разум непомерной сложностью и сковывает волю. Оказывается, что политикам и гражданам, нуждающимся в быстрых решениях и не менее динамичных действиях, куда больше подойдут вещные, физикалистские, на худой случай кулинарные образы мышления и образцы поведения. Здесь напрямую действует императив настоящего. Он навязывает нам взгляд из нынешней повседневности и концентрируется на ней. При этом он парадоксальным образом заставляет принять как будто бы внешнюю точку зрения, чтобы облегчить политикам и гражданам воздействие на политику как на объект своих усилий. А это совершенно естественным и бессознательным образом подталкивает к тому, чтобы согласиться с логикой политической инженерии.

Вполне понятно, что едва ли ни общим местом рассуждений об институциональных реформах является концентрация нашего внимания на проектах реформ, фигурах реформаторов и на их усилиях. Даже в тех трудах, где достаточно скрупулезно учитываются различные условия реформ от географических и хозяйственных до демопопуляционных и социокультурных, внимание в конечном счете переключается с приводящих обстоятельства на сами решения. Для господствующего образа мысли условия и обстоятельства реформ при всей их значимости остаются чем-то внешним. Сам же феномен реформ невольно обретает свою подлинность только через субъектность и — наивно натуралистически — действия реформаторов и их окружения.

Иными словами, распространенным оказывается взгляд от рецептов на импровизации. Рецепты первичны. Импровизации лишь дополняют их. Однако не только можно, но и должно взглянуть иначе — от импровизаций к рецептам. Почему бы не предположить, что для создания нового рецепта повара требуется немало поэкспериментировать и поимпровизировать? Это полезно еще и потому, что тем самым смягчается инженерный перекосяк и в большей степени удается учесть усложняющие политику обстоятельства, которые адекватно видны сквозь линзы организмических и экологических логик.

98

КОМУ И КАК ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ?

Политические системы естественно проходят циклы и ритмы воспроизводства и изменений. Различные исследовательские оптики позволяют разглядеть различные аспекты этих процессов с разной степенью подробности и детализации. При этом некоторые изменения, порой их значительная часть, могут сознательно задаваться или акцентироваться, усиливаться включенными в политику людьми. Совокупности подобных намеренных изменений и являются реформами. Их адекватное понимание вызывает ряд вопросов. Каковы критические масштабы воздействия людей на политический процесс, позволяющие придавать ему желательную направленность? Насколько соответствующие воздействия достаточны, чтобы качество процесса изменилось желательным образом, а реформы состоялись? Насколько поверхностными и краткосрочными могут оставаться реформаторские усилия? Как глубоко им можно и нужно проникать? Сколь длительное их воспроизведение достаточно, чтобы позволить новым образцам и стандартам политического поведения институционально закрепиться?

Ответы на поставленные вопросы крайне важны по существу, но они фактически остаются фоновыми по отношению к практическому, “инженерному” вопросу — кому и как осуществлять институциональные реформы? Этот вопрос выходит на первый план еще и в свете только что рассмотренного императива настоящего.

Действительно, ключевые решения реформаторов не только бросаются в глаза, но порождают последовательности взаимосвязанных действий, которые очевидным образом сказываются и на ходе политических процессов, и на их последствиях.

Предварительный обзор исторических казусов модернизации отдельных разновидностей политий от европейского мейнстрима конституционных дуалистических монархий до постколониальных персоналистских автократий показывает следующее. *Насыщение традиционных институтов практиками рефлексивной подотчетности дает наиболее плавные и надежные версии демократизации.* Исторический опыт также подтверждает, что *радикальное провозглашение демократических институтов в результате их насыщения авторитарными практиками дает наиболее резкие и болезненные откаты.*

Данные закономерности хорошо прослеживаются на примере институциональных трансформаций и метаморфоз Раннего Модерна. Проявляются они в формировании верховенства права, конституционализма, представительного и ответственного правления. Даже в условиях еще только разворачивающейся демократизации проявляется естественная предпочтительность трансформации институтов путем насыщения их новыми практиками. Конечно, в продолжении спора между процедурным и структурным подходами есть соблазн выяснять, что же первичнее — институты или политические курсы [Abrams, Fish 2015]. Дело в способах вписывания политик, процедур и практик в наличные институциональные рамки. И тут все больше эмпирических подтверждений получает критическая роль насыщения демократическими практиками традиционных и далеко не демократических институтов. Это характерно для успешных примеров демократизации, что подтверждают в том числе аргументы упомянутой статьи Эбрамса и Фиша.

В ходе демократических реформ целесообразно максимально использовать ориентированные на подотчетность очищенные институты ответственного правительства, ответственного парламента, конституции и выборов. Разумно насыщать их практиками рефлексивной подотчетности или на крайний случай подотчетности со сглаженной асимметрией и наличием петли обратной связи.

Как же следует действовать реформаторам? Нет и не может быть единственно правильного, идеального алгоритма действия. Приходится принимать различные, зачастую противоречащие друг другу решения. А уж при их реализации тем более приходится идти на компромиссы.

Если бы мы жили в простом, ясном, не отягощенном противоречиями и полнотью рациональном мире, то можно было бы смело провозглашать и создавать совершенные институты. В нашем же мире греха и скорби (*sin and woe*) это крайне сомнительно и очень рискованно. Однако на риск можно пойти, правда, желательно, в малых или хотя бы ограниченных масштабах, а лучше всего в пилотном режиме. При этом желательно связывать свои действия с подотчетностью и с традициями, чтобы обеспечить им надежность и подстраховку.

В целом можно достаточно уверенно утверждать, что в стратегии реформ куда надежнее насыщать и тем самым исправлять существующие институты. Но это весьма затратно. И не только в отношении сил, средств и материальных ресурсов. Такая работа требует значительного времени. Нехватка времени, его дефицит могут ее попросту сорвать.

В тех случаях, когда это возможно, желательно и тут всячески внедрять практики подотчетности. Особенно важна обратная связь, которая отчетливее выражена в насыщающих практиках, чем в насыщаемых институтах. И тут уже простейшие схемы строительства или даже выпекания слоеного пирога выглядят явно упро-

шенными. Куда уместнее схемы выращивания — да еще и выращивания не одного деревца, а пестования целого леса. И в таком усложнении наших задач и наших устремлений политикам и гражданам могут помочь специалисты, способные менять точку зрения и определять, какая из них в данный момент и в данном отношении становится естественно выгодной, а какая станет такой завтра, какая послезавтра, а на какие придется полагаться в течение еще многих лет.

Авдонин В.С. 2015 Методы в “вертикальном” измерении (метатеория и метаязыки-органоны). — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН. С. 265-278.

Ильин М.В. 1995. *Очерки хронополитической типологии. Часть первая. Основания хронополитики*. М.: МГИМО. 112 с.

Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. М.: РОССПЭН. 432 с.

Ильин М.В. 2009. Существуют ли общие принципы эволюции? — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 186-189.

Ильин М.В. 2014. Слоеный пирог политики: порядки, режимы и практики. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 111-137. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.03.08>

Ильин М.В. 2015. Методологический вызов. Что за власть создает нашу действительность? — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН. С. 6-9.

Ильин М.В. 2016а. Методологический вызов. Как вообразить еще непознанное? Как понять самому и представить другим познаваемое? — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН. (В печати.)

Ильин М.В. 2016б. Морфологический анализ от реконструкции прафеноменов и праформ до морфогенетики и эволюционной морфологии. — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН. (В печати.)

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. 2004. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций). — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-27.

Кучинов А.М. 2014. Теория морфогенеза Арчер М.С. (сводный реферат). — *Политический вектор-М. Комплексные проблемы современной политики*. № 2. С. 70-91.

Луман Н. 1991. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. — *Социо-логос: социология, антропология, метафизика*. М.: Прогресс. Вып. 1. С. 194-218.

Матурана У. 1996. Биология познания. — *Язык и интеллект*. М.: Издательская группа “Прогресс”. С. 95-142

Матурана У., Варела Ф. 2001. *Древо познания: Биологические корни человеческого понимания*. М.: Прогресс-Традиция. 224 с.

Реймерс Н.Ф. 1988. *Основные биологические понятия и термины*. М. Просвещение. 319 с.

Трансдисциплинарные органоны гуманитарного знания. Дискуссия на пленарном заседании “Интеграция гуманитарных и естественнонаучных знаний: информационные подходы” Седьмых гуманитарных чтений РГГУ. 2016. — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН. (В печати.)

Челлен Р. 2008. *Государство как форма жизни*. М.: РОССПЭН. 319 с.

Шелер М. 1994. *Избранные произведения*. М.: Гнозис. 490 с.

Abrams N.A., Fish M.S. 2015. Policies First, Institutions Second: Lessons from Estonia’s Economic Reforms. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. № 6. P. 491-513.

Archer M.S. 1988. *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 384 p.

Archer M.S. 1995. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 368 p.

- Archer M.S. 2000. *Being Human: the Problem of Agency*. Cambridge: Cambridge University Press. 323 p.
- Bertalanffy L. von. 1968. *General Systems Theory. Foundations, Development, Applications*. N.Y.: George Braziller. 289 p.
- Condren C. 1994. *The Language of Politics in Seventeenth-Century England*. N.Y.: St. Martin's press. 215 p.
- Donati P., Archer M.S. 2015. *The Relational Subject*. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.
- Geertz C. 1973. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. N.Y.: Basic books. 470 p.
- Generative Mechanisms Transforming the Social Order (Ed. by Archer M.)*. 2015. Switzerland: Springer International Publishing AG. 248 p.
- Hallpike C.P. 1986. *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press. xi. 412 p.
- Johannsen W.L. 1905. *Arvelighedslærens Elementer*. København: Gyldendal; Kristiania: Nordisk forlag. vi, 253 p.
- Kjellen R. 1917. *Der staat als Lebensform*. Leipzig: S. Hirzel. 235 p.
- Lane J.-E., Ersson S. 2000. *The New Institutional Politics: Performance and Outcomes*. L., N.Y.: Routledge. 339 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780203264607>
- Late Modernity: Trajectories Towards Morphogenic Society (Ed. by Archer M.)*. 2014. Switzerland: Springer International Publishing AG. 240 p.
- Maturana H.R., Varela F.J. 1980. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. 146 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-94-009-8947-4>
- Miller J.G. 1978. *Living Systems*. N.Y.: McGraw-Hill. 1102 p.
- Pocock J.G.A. 1957. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press. 262 p.
- Tilly C. 1984. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. N.Y.: Russell Sage Foundation. 192 p.
- Wolfers A. 1951. The Pole of Power and the Pole of Indifference. – *World Politics*. Vol. 4. Issue 01. P. 39-63. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2008900>
- Warming E. 1895. *Plantensamfund – Grundtræk af den økologiske Plantegeografi*. Kjøbenhavn: P.G. Philipsens Forlag. 335 p.

DOI: [10.17976/jpps/2016.01.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.07)

“FLAKY PASTRY OF POLITICS”: RECIPES AND IMPROVISATIONS

M.V. Ilyin¹

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

ILYIN Mikhail Vasil'yevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor in Ordinary of National Research University Higher School of Economics; Professor of Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; Head of the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS, Moscow, Russia. Email: ilyin@politstudies.ru, mikhaililyin48@gmail.com

Received: 10.11.2015. Accepted: 30.11.2015

The article uses results of the studies conducted in 2011–2015, supported by the NRU HSE Fundamental Research Program, as well as results of the projects supported by the Russian Foundation for Humanities (project No. 13-03-00310), and the Russian Science Foundation (project No. 13-06-00789)

Abstract. The article further develops critical investigation of heterogeneous institutional arrangements (flaky pastry) initiated in the first part of the article. Institutional ambiguity rests on two modes of existence – temporal on line and extemporal off line. Human agency provides an interface of both modes that can be associated with ongoing improvisations and fixed recipes. Procedures and criteria of saturation and purification are discussed. Each of the three basic cognitive schemata – a thing, an organism and an ecosystem (community of life forms) – helps to single out various aspects of life. Some

cognitive schemata suit particular aspects of politics better than other analytic instruments. Combination of heuristic capabilities is the key issue. The article further presents sequencing and orientations of specific aspects of reforms. Particular attention is focused on the risks and prospects of alternative strategies of reforms, their recipes and improvisations. Transformation of institutions by saturating them with new practices is claimed to be naturally advantageous. It is saturation of traditional institutions by democratic practices that accounts for success of conclusive cases of democratization.

Keywords: institutions; processes; langue; parole; on line; off line; agency; complementarity; thick and thin institutions; saturation and purification of institutions; formal and informal institutions; institutions of various scale; orders; regimes; practices; reforms.

References

Archer M.S. *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. 384 p.

Archer M.S. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 368 p.

Archer M.S. *Being Human: the Problem of Agency*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 323 p.

Avdonin V.S. Metody v "vertikal'nom" izmerenii (metateoriya i metazyki-organony) [Methods in the "Vertical" Dimension (Metatheory and Metalanguages-Organon)]. — *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook Works of Social Science Disciplines]. Vol. 5. Moscow: INION RAS. 2015. P. 265-278. (In Russ.)

Bertalanffy L. von. *General Systems Theory. Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller. 1968. 289 p.

Condren C. *The Language of Politics in Seventeenth-Century England*. New York: St. Martin's Press. 1994. 215 p.

Donati P., Archer M.S. *The Relational Subject*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 356 p.

Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic books. 1973. 470 p.

Generative Mechanisms Transforming the Social Order (ed. by Archer M.). Switzerland: Springer International Publishing AG. 2015. 248 p.

Hallpike C.P. *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press. 1986. xi, 412 p.

Ilyin M.V. *Ocherki khronopoliticheskoy tipologii. Problemy i vozmozhnosti tipologicheskogo analiza evolyutsionnykh form politicheskikh sistem. Chast' I. Osnovaniya khronopolitiki* [Essays Chronopolitical Typology. Challenges and Opportunities of the Typological Analysis of Evolutionary Forms of Political Systems. Part I. Basis of Chronopolitics]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations. 1995. 112 p. (In Russ.)

Ilyin M.V. *Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii* [Ilyin M.V. Words and Meanings. Experience Descriptions of Key Political Concepts]. Moscow: ROSSPEN Publishers. 1997. 432 p. (In Russ.)

Ilyin M.V. Are There General Principles of Evolution? — *Polis. Political Studies*. 2009. No. 2. P. 186-189. (In Russ.)

Ilyin M.V. "Flaky Pastry" of Politics: Orders, Regimes and Practices. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 3. P. 111-137. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.03.08> (In Russ.)

Ilyin M.V. Metodologicheskii vyzov. Chto za vlast' sozdaet nashu deistvitel'nost'? [The Methodological Challenge. What is the Power to Create Our Reality?]. — *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook Works of Social Science Disciplines]. Vol. 5. Moscow: INION RAS. 2015. (In print.) (In Russ.)

Ilyin M.V. Metodologicheskii vyzov. Kak voobrazit' eshche nepoznannoe? Kak ponyat' samomu i predstavit' drugim poznavаемое? [The Methodological Challenge. How to Imagine Even the Unknown? How to Understand Himself and to Submit Another Knowable?]. — *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook Works of Social Science Disciplines]. Vol. 6. Moscow: INION RAS. 2016a. (In print.) (In Russ.)

Ilyin M.V. Morfologicheskii analiz ot rekonstruktsii prafenomenov i praform do morfogenetiki i evolyutsionnoi morfologii [Morphological Analysis of the Reconstruction of About Morphological Phenomena and Protoform to Genetics and Evolutionary Morphology]. — *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook Works of Social Science Disciplines]. Vol. 6. Moscow: INION RAS. 2016b. (In print.) (In Russ.)

Johannsen W.L. 1905. *Arvelighedslærens Elementer*. København: Gyldendal; Kristiania: Nordisk forlag. vi, 253 p.

Karl T.L., Schmitter Ph. Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations). – *Polis. Political Studies*. 2004. No. 4. P. 6-27. (In Russ.)

Kjellén R. Der Staat als Lebensform. (Russ. ed.: Kjellén R. *Gosudarstvo kak forma zhizni*. Moscow: ROSSPEN Publishers. 2008. 319 p.)

Kjellen R. *Der Staat als Lebensform*. Leipzig: S. Hirzel. 1917. 235 p.

Kuchinov A.M. The Theory of Morphogenesis Archer M.S. (Summary Abstracts). – *Political vector-M. Complex problem of a modern policy*. 2014. No. 2. P. 70-91. (In Russ.)

Lane J.-E., Ersson S. *The New Institutional Politics: Performance and Outcomes*. London, New York: Routledge. 2000. 339 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780203264607>

Late Modernity: Trajectories Towards Morphogenic Society (ed. by Archer M.). Switzerland: Springer International Publishing AG. 2014. 240 p.

Luhmann N. Tautologie und Paradoxie in der Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft. (Russ. ed.: Luhmann N. Tautologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva. – *Sotsio-logos: sotsiologiya, antropologiya, metafizika*. Moscow: Progress Publishers. 1991. Issue 1.P. 194-218.)

Maturana H.R. Biology of Cognition. (Russ.ed.: Maturana H. *Biologiya poznaniya*. – *Yazyk i intellekt*. Moscow: Progress Publishers. 1996. P. 95-142.)

Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. 1980. 146 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-94-009-8947-4>

Maturana H.R., Varela F.J. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. (Russ.ed.: Maturana H., Varela F. *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya*. Moscow: Progress Publishers. 2001. 224 p.)

Miller J.G. *Living Systems*. New York: McGraw-Hill. 1978. 1102 p.

Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press. 1957. 262 p.

Reimers N.F. *Osnovnye biologicheskie ponyatiya i terminy* [Reimers N.F. Basic Biological Concepts and Terms]. Moscow: Prosveshchenie Publishers. 1988. 320 p. (In Russ.)

Scheler M. Selected Works. (Russ. ed.: Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow: Gnosis. 1994. 490 p.) (In Russ.)

Tilly C. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation. 1984. 192 p.

Transdistsiplinarnyye organony gumanitarnogo znaniya. Diskussiya na plenarnom zasedanii “Integratsiya gumanitarnykh i estestvennonauchnykh znaniy: informatsionnyye podkhody” Sed’mikh gumanitarnykh chteniy RGGU [Transdisciplinary Organon Humanities. The discussion at the Plenary Session “Integration of Humanities and Natural Sciences: Information Approach”. Seventh Humanities Readings RSUH]. – *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook Works of Social Science Disciplines]. Vol. 6. Moscow: INION RAS. 2016. (In print.) (In Russ.).

Wolfers A. The Pole of Power and the Pole of Indifference. – *World Politics*. 1951. Vol. 4. Issue 01. P. 39-63. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2008900>

Warming E. *Plantensamfund – Grundtræk af den økologiske Plantegeografi*. Kjøbenhavn: P.G. Philipsens Forlag. 1895. 335 p.